

Иноязычные слова в письменной русской речи в ситуации языкового контактирования (на материале Литвы)

Процессы, происходящие в русском языке в ситуации иноязычного окружения, в современных условиях характеризуются особой интенсивностью. В связи с этим изучение русского языка как родного, существующего в отрыве от основного этносоциума, в частности, в Литве, представляется в настоящий период актуальным. Специфика языка за пределами своей этнической территории во многом определена языковым контактированием, что отражается также в русском языке Литвы, активно взаимодействующем прежде всего с государственным языком – литовским, а в ряде районов – с польским, белорусским языками.

Вопросы, касающиеся специфики письменной речи в ситуации языкового контактирования, многочисленны и разнообразны: это проблемы культуры речи, связанные с интерференцией на различных языковых уровнях; проблемы графики и орфографии, транслитерации, выражения оценочности путем иноязычных заимствований или вкраплений и др. (см. об этом: Авина, 2006). Целью данной работы ставится рассмотрение одного из вопросов – включения иноязычных (литовских) инноваций в письменный текст. Для осмысления изучаемого явления используется метод качественно-количественного анализа и приемы функционального, коммуникативно-прагматического подхода к конкретным языковым фактам. Объектом изучения является письменная русская речь. В качестве материала исследования используются русскоязычные газеты в Литве за период 1991–2006 гг., включающие разнообразные по тематике статьи, посвященные общественно-политическим актуальностям (подобные статьи информативного плана написаны как в нейтральной тональности, так и с ярко выраженной критической оценочностью в виде фельетона, памфлета), а также разного рода реклама, поздравления и др. Не подлежит сомнению, что СМИ наиболее отчетливо показывают происходящие языковые изменения, играют важную роль в выработке и введении в широкий обиход новых номинативных единиц. Конкретные источники материала СМИ – газеты “Обзор” (в работе используется условное сокращение – Обз.), “Литовский курьер” (ЛК), “Республика” (Р.), а также не издающиеся на русском языке в последние годы газеты “Вечерние новости” (ВН), “Летувос ритас” (ЛР), “Пирмаденис” (П), “Эхо Литвы” (Эх.Л.).

Как известно, включение иноязычного слова в язык-реципиент – процесс сложный, связанный прежде всего с формальными и семантическими аспектами адаптации (см. Языковые ситуации, 1989 и др.). Выделяются следующие этапы освоения иноязычного слова (например, Крысин, 2004):

- употребление иноязычного слова в тексте в его исконной орфографической (в устной речи – фонетической) и грамматической форме, без транслитерации и транскрипции, в качестве своеобразного вкрапления;
- приспособление слова к системе заимствующего языка: транслитерация или транскрипция, отнесение к определенной части речи с соответствующим морфологическим и (иногда) словообразовательным оформлением; при этом, теряя внешние признаки иноязычности (и, с другой стороны, приобретая новые для себя свойства, “навязываемые” системой воспринимающего языка), слово начинает употребляться как более или менее органичный элемент русского текста; однако факты говорят о том, что написать иноязычное слово кириллицей и начать изменять его по образцу исконных слов – необходимое, но недостаточное условие вхождения иноязычного элемента в русский язык, освоения его говорящими;
- носители языка перестают ощущать непривычность иноязычного слова, оно начинает употребляться “на равных” с другими словарными единицами родного языка;
- утрата жанрово-стилистических, ситуативных и социальных ограничений в употреблении;
- регистрация иноязычного слова в толковом словаре является завершающим этапом его освоения; слово признается принадлежащим лексико-семантической системе данного языка.

Эти показатели - фонетическое и графическое освоение заимствования, включение его в систему грамматических форм, словообразовательная активность, стабилизация лексического значения, широкая и, главное, регулярная употребляемость в речи – в совокупности составляют условия полной адаптации иноязычного слова в языке-реципиенте.

Степень адаптированности иноязычного слова связана также с устной и письменной формой речи. Если в устных вкраплениях часто наблюдаются колебания в форме, которые могут быть связаны с региональными, стилевыми, диалектными и др. различиями в языке-источнике и языке-реципиенте (Беликов, Никольский, 1991), то инновации, проникшие письменным путем, обычно отличаются большей нормированностью, поскольку они попадают в более стандартизованную разновидность языка-реципиента. Факты письменных текстов, появляющиеся позднее, когда в устной речи данное явление распространено уже достаточно хорошо, обычно свидетельствуют об особой устойчивости отмеченных явлений.

Между тем, судя по нашим примерам, в передаче литовских реалий в русском языке прессы, который должен быть ориентирован на книжно-письменную норму, наблюдается неунифицированность. Материал текстов русскоязычных газет в Литве показывает разнообразие способов включения литовских слов.

1. Некоторые литуанизмы включаются в текст как обычные слова, изменяясь по русским грамматическим образцам, например: *Во многих городах **шаулисы** уже сотрудничают с полицией, патрулируют на улицах* (ЛР, №37, 1999) – *šaulys* “стрелок”; *Пока на призы либералов к объединению откликнулась только партия **таутининков*** (ЛК, №19, 2000). Адаптируясь, инновации становятся производящей базой для новых производных в русском языке: *Лишняя работающих пенсионеров части пенсии, правительство не смеет коснуться другого **содровского** резерва – почти 80 миллионов литов, которые выплачиваются за разного рода политические заслуги* (Обз., №51, 2000) – производное от лит. аббревиатуры *Sodra* “социальное страхование”.

2. В других случаях отмечается непоследовательность выбора то литовского слова, то русского аналога: *Группа инициативных жителей Лентвариса не пускала в здание сенюни вновь назначенного **сенюнаса*** (ЛР, 1997, №42); но ср.: *Сянюния готова оказать посильную помощь. **Староста** ...присмотрит за ходом строительных работ* (ВН, 19.08.1997); ***Староста** Партии труда* (ЛК, №22, 2005). Если в речевой практике более употребительным оказывается литовское слово *arylinkė* (например, *Живу в Шальчининкской **атилинке***), то в языке СМИ может использоваться русский историзм *уезд*: *Утенское **уездное** отделение департамента гражданской обороны предлагает сократить в **уезде** число убежищ* (ЛР, №3, 1999).

Такая же неупорядоченность наблюдается в выборе топонимов: *Если пересечь озеро, на острове которого стоит знаменитый Тракайский замок, вы попадете в **Затрочье** – в усадьбу **Ужутракис*** (ЛР, №31, 2000), причем **Затрочье** – от **Троки** (ср. также польск. название); *Новогодняя ночь в столичном **Заречье*** (ЛР, №1, 1999) – ср. более распространенное употребление **Ужупис**. Заметим, что названия обычно не переводятся: район “**Лаздинай**”, но не “Орешники”; кинотеатр “**Летува**”, но не “Литва”.

3. Литовские слова могут выделяться в тексте как “инородные”. Форма введения инноваций в письменный текст может быть различной:

а) с помощью перевода, при этом:

в скобки может заключаться то русское слово, то литовское: *После ухода немцев власть в свои руки взяла Литовская **тариба** (совет)* (Эх.Л., 28.1.1999); *23 ноября в 13 час. в 208-м кабинете бывшего Дворца*

культуры профсоюзов намечается развлекательное мероприятие (**сяжлича**) (ЛК, №47, 2002); *Куплю заключение (išvada) на воду (3,5 ga)* – данное рекламное объявление, повторяющееся в газете “Экспресс неделя”, вряд ли понятно без литовского слова; переводиться могут также названия – ЗАО “Кляво лапас” (“**Кленовый лист**”) – одно из самых первых частных предприятий (П, № 9, 1999); *Вчера, выступая в Президентуре на национальной конференции “Социализация инвалидов и общественно-гражданские ценности”, организованной совместно с обществом “Вильтис” (“Надежда”), президент признал, что общество стало более открыто и терпимо по отношению к особенным людям, однако желаемый результат еще не достигнут* (Р., № 235, 2006);

причем перевод может быть использован с целью выражения оценочности, например, **подписант** вместо интернационального слова **сигнатор** (лит. signataras – “лицо, сторона, подписавшая документ”): *Кто может сказать, почему **подписант (сигнатор)** посчитал себя вправе пустить от собственного имени на благотворительные цели деньги, принадлежащие Вильнюсу?* (ЛК, №52, 2000);

в разных газетах разноречивой в передаче литовских реалий; ср. два перевода названия: *Будет показан **спектакль огня и кукол “Аушрине”*** (ЛК, №51, 1998); *Разыгрывается рождественское музыкальное **кукольно-огненное представление** для детей “**Утренняя звезда**”* (Обз., №52, 1998);

в некоторых же газетах без перевода и транслитерации, на языке оригинала, передаются названия официальных инстанций: *Она пошла в **Vilniaus apskrities gyvybos rinktinė**, написала там заявление, как требовалось* (ЛК, №34, 1997) – пример Б. Синочкиной (2000); к тому же, существует “редакторское пристрастие”: так, при переводе лит. *apskritis* газета “Легувос ритас” последовательно использует архаичное *уезд*, а газета “Пирмаденис” – нейтральное *округ*;

б) с помощью толкования, комментирования в контексте в виде:

– вставной конструкции, приложения: *В Старом городе могут продаваться только изделия народного искусства и художественных промыслов – ленты, расписные яйца (так называемые **маргучяй**), керамика, “**содасы**” – птицы из соломки* (ЛР, №1, 1999); *Однако теперь уже нашим “**саугуметисам**” – сотрудникам органов Литовской Республики – понятно* (ЛР, №8, 2001);

– примечания редактора: *Наивысшие зарплаты в хозяйственном секторе страны получают государственные чиновники высшего ранга (**управленцы – вальдининкай** (лит. – прим. ред.)* (ЛР, №1, 1999); *Кинотеатр давно закрыт, там сейчас **лабдара** (благотворительность,*

благотворительная помощь – Прим. ред.), да и та больше похожа на тряпки, чем на **лабдару** (ЛР, №4, 2000);

в) пунктуационно – с помощью кавычек, причем непоследовательность их использования проявляется в одной и той же газете: *А там “пилстукас” неизвестного происхождения и сомнительного качества* (ЛР, №32, 1999); *Партия, набравшая в свободных и демократических выборах наибольшее число голосов, не успела чокнуться **пилстукасом**, как была оттерта на задворки* (ЛР, №42, 2000) – поддельная водка, разбавленный технический спирт; от лит. *pilstyti* “наливать”;

г) графически – например, путем подчеркивания слова в тексте: *Ученики Альседжайской (Плунгеский район) средней школы на открытие учебного года явились в форме Союза **шаулисов*** (ЛР, №35, 2001).

Подобные употребления в письменном тексте с авторской (редакторской) позиции выделяются намеренно. Но и в ассоциативно-вербальной сети языковой личности такие иноязычные названия обычно находятся в особой, изолированной позиции. В этом – проявление лингвокультурной универсалии “свой – чужой”. Инновации, рассмотренные выше, обычно выполняют номинативную функцию, участвуют в объективном повествовании, передающем событийную информацию. Но такие инновации в языке газет, и прежде всего в политическом дискурсе, часто используются как коннотативные номинации, вносящие в контекст оценочность и эмоциональность, которая, как известно, считается наиболее значимой характеристикой текста, относящегося к сфере политики¹. При этом оценочность инноваций часто сопровождается экспликацией модуса “чуждости”, что создает негативную оценочность. Как правило, употребление данных выражений ограничено пределами конкретного контекста, например: *Другого **америконаса** в очередной раз прокатили на выборах* (ЛК, 2003) (*amerikonas* разг. “американец”). Достаточно часто значение национально-культурной принадлежности отдельных единиц выражается метатекстовыми средствами, и прежде всего кавычками: *Вдумайся, Читатель: в стране – ни одной девушки-ксендза, а юношам, напротив, не разрешают рожать! А ведь и те и другие – равнополые **“януляй”!** Как жить?!* (П, №38, 1999) – *jaunioliai* “молодые люди”.

В ряде случаев в текстах газет встречаются польские, белорусские инновации (распространенные прежде всего в устной речи, просторечии,

¹ Ср. аналогичные явления, рассмотренные на материале польского языка (Новоженова, Псыгга, 2005). Весьма эффективным средством достижения эмоционально-экспрессивной и стилистической выразительности польского политического дискурса являются русские слова и выражения, отражающие такую ментальную установку, как чуждость, и создающие преимущественно негативную оценочность.

а не в письменной речи): Дорогой **швагер Николай!** Поздравляем с днем рождения! (ЛК, №21, 2001) – бел. швагер, пол. szwagier “свояк”; На переднем стекле машины стоял крестик и висели 2 **ружаница** (четки) (ЛК, №20, 2006) – бел., польск.

В письменной русской речи в Литве отражаются специфические особенности процесса номинации, обусловленные языковым контактированием. Как справедливо замечает Б. Синочкина (2003), если раньше “языковые новшества” приходили из “центра”, то задачи номинации сводились к подбору литовских соответствий к русским неологизмам. Если же нечто новое появлялось в самой Литве, то региональные русские инновации получали быстрое распространение, тиражируясь в дублирующих по содержанию двуязычных текстах (надписи и под.). Транслитерируемые безэквивалентные литовские слова обретали обязательную для всех единую графико-произносительную и грамматическую форму. В последнее же время ситуация изменилась. Если в литовском языке номинация в официальной сфере осуществляется целенаправленно и отражается в рекомендациях по речевому употреблению (например, Kalbos patarimai, 2005 и др.), а за соблюдением норм государственного языка следит специально созданная Комиссия по литовскому языку при Сейме Республики, то в русском языке сегодня подбор соответствий к новым литовским наименованиям происходит по преимуществу стихийно, путем проб и ошибок.

Сложность процессов номинации отмечается также другими исследователями русского языка зарубежья. Например, разнообразны способы включения финских слов в русский письменный текст: как в виде перевода, так и с применением финского обозначения с параллельным переводом (до и после русского слова; с кавычками и без кавычек; с прописной буквы и со строчной; с транслитерацией; с грамматической формой склонения и без него (например, Протасова, 2004). Однако и в русском языке метрополии “адаптация слова к иной языковой системе – процесс постепенный и во многих случаях длительный” (Крысин, 2004, 52).

Таким образом, процесс включения иноязычных слов в письменную русскую речь происходит сложно. Наряду с фактами ассимиляции очевидны случаи непоследовательного выбора то литовского слова, то русского аналога, то намеренное выделение литовских инноваций в текстах русскоязычных газет. Иноязычные слова выполняют в тексте как номинативную, так и коннотативную функцию, являясь культурно-специфическим компонентом отражения языкового сознания. Включение литовских слов в письменный русский текст должно характеризоваться определенной целенаправленностью и унифицированностью, что требует соответствующих рекомендаций лингвистов.

ЛИТЕРАТУРА

- Авина, Н. Ю. 2006. *Родной язык в иноязычном окружении (на материале русского языка в Литве)*. – Москва: Эллис.
- Беликов, В. И., Никольский, Л. Б. 1991. *Культурологический и социолингвистический аспекты изучения лексических заимствований в восточных языках* // Лексические заимствования в языках зарубежного Востока. С. 5–17. – Москва.
- Крысин, Л. П. 2004. *Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике*. // Языки славянской культуры. – Москва.
- Новоженова, З., Пстыга, А. 2005. *Лингвокультурная универсалия свои-чужие: русские языковые вкрапления в польском политическом дискурсе* // Национально-культурный компонент в тексте и языке. Материалы III Международной научной конференции. 7–9 апреля 2005 г. Минск. В трех частях. Часть первая. Минск. С. 66–68.
- Протасова, Е. Ю. 2004. *Феннороссы: жизнь и употребление языка*. – Санкт-Петербург: Златоуст.
- Синочкина, Б. 2000. *Проблемы номинации: новое и старое в русском языке Литвы* // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы., С. 126–134. – Тарту: Издательство Тартуского университета.
- Синочкина, Б. 2003. *Русский язык в Литве* // Диаспоры. №1. С. 6–26. – Москва.
- Языковые ситуации и взаимодействие языков. Киев, 1989.
- Kalbos patarimai*. 2005. Кн. 4: Leksika: 1. Skolinių vartojimas (svetimybės, tarptautiniai žodžiai) / [autorė ir sudarytoja Mikulėnienė D.]. – Vilnius.

Borrowings in the Written Russian Language as a Result of Language Contacts (Based on Lithuanian Data)

Peculiarity of the language existing outside the limits of its ethnic territory is determined by lingual contacts. This is also reflected in the Lithuanian Russian which is in the active interaction with the Lithuanian language. This article studies one of many aspects related to the study of the written language under the circumstances of alien lingual environment – peculiarities of inclusion of Lithuanian innovations into the Russian text. Russian newspapers of Lithuania covering the period from 1991 to 2006 are used as data for study.

The study shows, that some specific peculiarities of the process of nominations are reflected in the modern written Russian language. Inclusions of Lithuanian innovations occur in a complicated way. Along side with the processes of assimilations the facts of inconsistency in choosing of the Lithuanian word or the Russian analogue or intended emphasizing of the Lithuanian innovations in the text are obvious. Inclusion of innovations must be unified in a certain way; This requires recommendations of linguists.

Key words: *lingual contacts, innovation, adoption of the borrowed word, written language.*